

Илья ОЛЕЙНИКОВ, Юрий СТОЯНОВ, актеры, телеведущие:

«Дорогая редакция, а как правильно писать — Иран или Ирак?»

Известия. - 2004. - 1 апр. - с. 16, 6.

В «Известиях» прошла «Прямая линия» с актерами Ильей ОЛЕЙНИКОВЫМ и Юрием СТОЯНОВЫМ. В течение часа они отвечали на звонки читателей «Известий».

— Юрий, здравствуйте. Не бывает ли вам обидно, что Илье не достаются женские роли, а вам приходится практически постоянно накладывать бюст и красить губы?

— Мне бывает обидно. Вы знаете, после очередных моих истерик, что я больше не в состоянии играть женщин, у нас был один страшный эксперимент, когда Илья сбросил усы. Это было настолько страшное зрелище, что я попросил его немедленно отращивать усы обратно, и больше мы эту тему с тех пор не поднимаем. Это было ровно два года назад, и с тех пор скандалы на эту тему закончились. Но до этого их было довольно много — с моей, естественно, стороны. Я вообще подозреваю, что он носит усы для того, чтобы не играть женщин. Потому что в паре — нас же два человека всего, — естественно, надо какие-то паритеты искать. И позор делить тоже пополам. Не получилось.

— А был ли в связи с этим какой-нибудь забавный случай из жизни «Городка», который не показывали зрителям?

— Ну, конечно, если «Скрытую камеру» мы раньше снимали дня два, конечный продукт составлял примерно от 4 до максимум 6 минут, то вот все, что не попало в кадр, — это очень забавно и иногда страшно. Но вы знаете, мы в такой стране живем, что все, что не попало в кадр, довольно грустно в «Скрытой камере». Было бы время, можно было бы смонтировать очень интересный фильм под названием «Это не смешная (или грустная) «Скрытая камера». Поскольку жанр нас обязывает жертвовать судьбами людей, проявляющимися в скрытой камере, ради трех минут смеха. Потому что мы — другая передача. И мы вот эту верхушечку айсберга снимаем, вклеиваем ее в передачу, а за ней остаются иногда трагические истории.

— Илья, совпадают ли ваши с Юрием вкусы в плане юмора и не бывает ли разногласий в связи с этим?

— Они у нас идеально совпадают, я бы сказал, что у нас один вкус на двоих. Бывает, мы ругаемся на съемочной площадке, но не по поводу того, хороша шутка или нет, а по поводу того, правильно ли сыграл я или он. Если бы мы спорили друг с другом, мы бы никогда не смогли сделать такую передачу. Мы вообще с ним некий единый организм с двумя головами и двумя фамилиями.

— Бывает так, что даже мысли совпадают?

— Да. Недаром мы с ним Раки, родились в один день. У нас вообще очень много общего, как ни странно. Очень много различий, но очень много и совпадений каких-то таких мистических. Начиная с дня рождения — 10 июля с разницей в 10 лет — и дальше если говорить о том, что мы можем и чего не можем, я пишу музыку, Юра пишет музыку, Юра написал книгу, я написал книгу. Этот список можно продолжать достаточно долго.

— Как вы относитесь к другим юмористическим передачам, которые сейчас идут на телевидении?

— Был такой анекдот во времена советской власти. Людей опрашивают на улице, как они относятся к политике партии и правительства. И вот один говорит: «Я политику партии целиком и полностью одобряю, и я с ней согласен». «А как вы относитесь к решению партии?» — «Я к этому решению партии отношусь абсолютно с уважением, и я его принимаю и принимаю». Там было вопросов 10, и он все время говорит, что он со всем согласен и принимает. Его спрашивают: «У вас есть свое какое-то мнение?» — «Есть. Но я с ним категорически не согласен». Я ответил на ваш вопрос?

— Да. Спасибо.

— Юрий, здравствуйте. Очень приятно вас слышать. Я смотрю телевизор все реже и реже, но тем не менее обращаю внимание на юмористические программы. На мой взгляд, на одном полюсе находится такой человекобразный юмор Петросяна, такой неандертальский несколько, а на другом — динамичный, острый, политический юмор КВН. Он не всем понятен.

— Я согласен с вами. Не в формулировках, а в том, что есть два полюса.

— И мне кажется, что «Городок» как жанр стоит между этими полюсами, занимает экваториальную линию и во многом отвечает запросам людей, более требовательных к юмору.

— На экваторе очень хороший климат, согласитесь. На севере очень холодно, на юге очень жарко.

— О том и речь. Мне кажется, что в этом плане у «Городка» очень неплохие перспективы развития.

— Спасибо. У нас на 13-м году работы есть перспективы. Это приятно.

— На 13-м году работы должны появиться более взрослые, выдержанные планы, более устойчивые.

— Черчилль когда-то сказал (боюсь, что фразу перевел): «Если человек в 16 лет не был романтиком, то у него нет сердца, а если в 40 лет не стал консерватором, то у него нет мозгов».

— Юрий, а почему исчезла ваша «Скрытая камера»?

— Для нас с Илюшей и всей группы самым тяжелым было отказаться от «Скрытой камеры». Это было очень серьезный шаг. Связано это было с тем, что у нас появилась маленькая передача восхительная, которая выходит перед «Вестями». Это значит, что у нас устроилась нагрузка. «Скрытая камера» в технологическом отношении самая тяжелая история. А к тому времени уже появилось огромное количество «скрытых камер». Мы были первыми людьми, кто хотел понять, что такое скрытая камера на нашем телевидении и в нашей стране. И я думаю, что у нас были очень человеческие и добрые образцы в этом жанре. Камера, которую не снимали бы нигде. Потому что это была скрытая камера не про подножку или пендель, а она была про конкретного человека, который упал, а не про то, как он упал.

— Он был не объектом как бы, а субъектом действия.

— Но поскольку решают все менеджеры, они поняли, что это хороший кусок телевизионного хлеба, и скрытая камера становилась общим местом эфира. А поскольку надо зарабатывать деньги, то скрытую камеру стали требовать снимать раз в неделю у тех людей, у которых ее покупали. И толкнули тех людей на самый скользкий путь — путь подстав в жанре, который их не терпит. Более того, по-моему, стало процветать еще такое телевизионное гастарбайтерство. Это не только когда украинцы в Москве элитные дома строят, а еще и когда на Украине заказывают скрытую камеру. Она снимается дешевле в городе Киеве, чем в Москве, и изначально талантливые люди поставлены в условия конвейера. И они начали нас обманывать. Для меня последней каплей был звонок с одного очень уважаемого метрового канала, когда мне сказали: вы не могли бы нам дать телефон того бомжа, человека, который снимался у вас в роли бомжа? Это была передача, за которую мы получили «ТЭФИ» и которая далась огромной кровью и любовью. Она называлась «Без определенного места жительства». Мы этого человека три дня

ждали, чтобы он появился. И появился человек с удивительной судьбой, бывший зубной техник, который Гумилева читает наизусть и живет в подвале дома. Про эту судьбу мы сняли «Скрытую камеру». И когда мои коллеги со всемирного канала позвонили, я понял, что даже они не верят, что может быть иначе. Что каким надо быть идиотом, чтобы три дня снимать? Можно снять актера. И тогда мы решили, что мы в эту игру не играем. Вот это было очень серьезное решение для нас. Зато появился маленький «Городок», вот этот проект, который говорит о том, что мы есть, на каком канале мы работаем, и о том, что нас ждет в какое-то определенное время всегда можно увидеть. Это называется: встать в телевизионную сетку. Этому проекту уже два года. Как только мы поймем, что календарные даты, о которых хочется поговорить, кончились, мы обязательно придем еще к какому-нибудь формату. Мне вообще кажется, что «Городок» — он маленький, он может строиться очень долго. И обязательно какой-то формат может измениться. «Городок» может закончиться по нескольким причинам: по геронтологическим — мы состарились настолько, что истории могут быть только про двух п...дунов, сидящих на скамейке у дома, другая причина — женщины все будут как родина-мать 58-го размера, и уже на «Ленфильме» нет на меня костюма, а костюмы от 500 долларов, которые можно купить, не очень вяжутся с теми людьми, которых мы играем. Вот несколько причин: костюмы, размеры, возраст, авторы. Еще одна: не дай бог, что-то случилось с нами. И самая главная причина — нам стало неинтересно. Или мы поняли, что это не нужно. Но пока существует контекст пересчитанных вами юмористических передач, желание и повод делать собственную не пропадают. Спасибо вам огромное за звонок.

— Илья Львович, меня зовут Ира. Какой у вас любимый анекдот и могли бы вы его рассказать?

— Боже мой, когда меня спрашивают о любимом анекдоте, этот вопрос меня всегда застает врасплох. Все анекдоты вылетают из головы. Вот мне последний рассказали. Молдаванин пишет письмо в редакцию передачи «Правильно ли мы говорим»: «Дорогая редакция, а как правильно писать — Иран или Ирак?»

— А вы не любите анекдоты рассказывать?

— Поскольку мы их уже 11 лет снимаем, я их, честно говоря, не очень люблю.

Илья ОЛЕЙНИКОВ, Юрий СТОЯНОВ, актеры:

«Дорогая редакция, а как правильно писать — Иран или Ирак?»

Известия. - 2004. - 1 апр. - с. 6.

Илья Олейников: «Мы с Юрием — единый организм с двумя головами и двумя фамилиями»

(Окончание. Начало на 16-й стр.)

— Пришел факс: «Когда же мы с вами увидимся? С уважением, Михаил Дегтярь, дважды лауреат «ТЭФИ», мастер спорта СССР по фехтованию, отец Кирилла и Алисы».

— Уважаемый Михаил. Мой друг. Вам отвечает четырежды лауреат «ТЭФИ» (вы сами нарвались на сравнение), мастер спорта СССР по фехтованию, отец, не буду перечислять, четверых детей Юрий Стоянов. Мы с вами не увидимся никогда. Шутка. Созвонимся.

— Юрий, вы — фехтовальщик?

— Да. Вчера вот до трех часов ночи мешал ребенку спать — смотрел турнир. Почему мешал? Они же там кричат как ненормальные.

И вы знаете, что у них специально тренируют этот крик? Потому что в этот момент энергетически, если ты крикнешь, ты прыгнешь дальше — это известная история спортивная. Вот как нас учили. Берется перчатка или мяч, бросается вперед, а тренер стоит рядом с тобой. Ты в прыжке должен поймать перчатку, а в это время тебя со всей силы бьют по заднице. Клинком. Поэтому возникает рефлекс, что если я прыгну, сначала от страха я крикну, а потом этот рефлекс закрепляется. Они орут ужасно: «Ма-ма!»

— Добрый день, Илья Львович, звонят из Владикавказа.

— Очень приятно, потому что у меня сосед из Владикавказа, его зовут Исая, он бывший заслуженный тренер России по борьбе. Так

что у меня с этим городом особые отношения.

— Очень приятно. Илья Львович, может быть, мой вопрос несколько отвлечен от темы, но мои дети — у меня два сына — очень любят вашу передачу.

— Это говорит о том, что у них хороший вкус.

— По вашему мнению как гражданина нашей страны, чем можно сейчас молодежь увлечь? В прошлые времена было какое-то комсомольское воспитание, пионерское, все были одержимы какой-то идеей вроде бы. Хоть и искусственно. Но сейчас «Идущие вместе» — это, конечно, не то, что хотелось бы.

— Это очень странное движение — «Идущие вместе».

— Совершенно верно. Хотелось бы ваше мнение услышать, вокруг какой идеи можно объединить молодежь, тех, кому лет через 20–25 управлять этой страной.

— На этот вопрос ответа нет, во всяком случае сейчас. Я знаю точно, что исходя из того, что они читают, вернее, что они слушают и что они смотрят — это то, что может угробить эту страну в принципе. Причем я никогда не был моралистом, понимаю, в чем дело. Когда я был мальчиком, я золотой медалью все-таки читал Толстого, хотел я этого или нет, я читал Пушкина, нас заставляли слушать классику и все такое прочее. И очевидно, что это все ос-

тавалось в твоей голове, какие-то ростки чего-то. И этот процесс так называемого воспитания — он поневоле шел. А сейчас, когда они слушают «Руки вверх», смотрят эти ужасные... Я недавно был в Амстердаме, когда гулял по этому симпатичному городу, я совершенно офандел, когда увидел толпы, причем там были не только голландцы, там были со всего мира, там были американцы, французы, бразильцы, шла такая огромная толпа молодых людей, абсолютно обкуренных, с безумным взглядом, и им было абсолютно все до лампочки, понимаете?

Какой-то совершенно пустой взгляд в никуда, я на них посмотрел и подумал: мама моя, что же будет с нами со всеми через 60–70 лет?

— А кто их учить будет, это непонятно.

— Я наверное, пессимист, мне кажется, что этот процесс необратимый. Их уже невозможно ввести в обратное состояние. Это все катится, как огромный снежный ком, который обрывает все больше и больше.

— Как вы думаете, есть ли какой-то предел?

— А как? Перекрыть краны и заставить их слушать другую музыку? Это невозможно. Я не знаю, что надо придумать, чтобы их отвлечь от просмотра и слушания того, что они сейчас смотрят и слушают. Я уже не говорю про наркотики — количество увлекающихся, как известно, растет опять же в геометрической прогрессии. Может быть, знаете, раз на Земле существует цивилизация порядка 4 тысяч лет и она еще не вымерла, может, какой-то

(Окончание на 6-й стр.)